

an His Ba»), stating that the meaning of the preposition *n* is a crucial point for their interpretation. Assuming the above-mentioned meaning of the preposition *n* («intended for, destined to, related to») she proposes a way to explain these two difficult literary fragments.

For the verses of «The Teaching of Ptahhotep» in question the author offers the following translation: «Like one making the rudder (one) time to the land, another (time the same action is intended) to keep away (from the land)». That agrees perfectly with the general context of the corresponding maxim in which the undesirable behavioral extremes are compared to each other. And for the mentioned verses of «The Dispute between a Man and His Ba» the following interpretation is suggested: «Behold, my name is detested because of you more than (that of) a manly (*qn*) lad, who is said to be related to something hateful for him». The author thinks that H. Goedicke was quite right offering for the fragment an interpretation implying homosexual relations («a valiant lad against whom it is said: He belongs to the one he hates!»), but the accurate translation should be a little different. The lad does not belong to anybody, he is said (defamatorily) to be related to homosexuality.

The suggested interpretation of the preposition *n* as a part of an adverbial predicate agrees with the specific Egyptian conception of property, which has been studied in detail by Yu. Perepelkin in his monograph «The Domain of Old Kingdom Dignitaries» (Moscow, 1988). Proceeding from vast evidence he convincingly demonstrated that the Egyptian content of the concept «property» in the Old Kingdom differed markedly from the present-day one. All the examples cited in this paper belong to the Middle Kingdom, and in fact they give the evidence that there were no considerable shifts in the sphere of property concept in that period. It is well known that Egyptian (as well as many other languages of the Afro-Asian family) does not have the verb «have». Therefore the imparting of the possessive meaning to the predicative construction '*n* + name' reflects mental stereotypes of modern scholars rather than the real situation of the Egyptian language, which does not seem to have had such meanings at all.

© 2008 г.

С. Г. Карпюк

ВОСПРИЯТИЕ ЗИМЫ В ДРЕВНЕГРЕЧЕСКОЙ ПОЭЗИИ И БАСНЕ*

Климат древних эпох можно реконструировать на основании естественнонаучных данных, но они дают только общую картину (часто по всему полушарию), не отражая в полной мере специфики того или иного региона¹. Письменные источники, несмотря на их «субъективный» характер, позволяют существенно дополнить наши сведения о климате древней Греции. В сочинениях греческих авторов V–IV вв. до н.э. содержатся многочисленные свидетельства о суровости климата. Эсхил и Аристофан упоминали замерзшие реки на севере

* Работа выполнена при поддержке РФФИ, проект 06-0-80078-а «Восприятие зимы и способы преодоления холодов древними греками в архаический и классический периоды (VIII–IV вв. до н.э.)». Первоначальный вариант был представлен на Международной конференции «Античность и современность» (Москва, 25–27 февраля 2007 г.), посвященной памяти двух выдающихся французских ученых – Жана-Пьера Вернана и Пьера Видаль-Накэ.

¹ См. об этом: Карпюк С.Г. Климатический детерминизм и история климата в работах В.В. Клименко // ВДИ. 2007. № 1. С. 244–257.

Греции, суровые зимы в начале Пелопоннесской войны описал Фукидид, а также Платон в диалоге «Пир», сильнейший снегопад в Афинах зимой 404/3 г. и морозы во Фракии (вино замерзло) упоминал Ксенофонт соответственно в «Греческой истории» и «Анабасисе»², а Аристотель в «Метеорологике» (I. 12, 348b) описал подледный лов на Черном море (может быть, в лиманах?) как явление вполне обыденное.

Нет сомнения, что свидетельства письменных источников подтверждают в целом *холодный климатический фон древнегреческой цивилизации*. Однако кроме этого (а может быть, для историка – и прежде всего) восприятие времен года, погодных явлений, различных климатических зон является одной из важнейших характеристик культуры того или иного народа. Письменная традиция, содержащая сведения о климатических условиях древней Греции, довольно значительна. В распоряжении исследователей – и труды Гиппократов, и знаменитая «Метеорологика» Аристотеля, и ботанические трактаты Феофраста, и многие другие произведения философов, историков, ораторов. Однако эти сочинения, хотя и, несомненно, отражают общие представления о климатических условиях, написаны представителями интеллектуальной элиты общества. Для того чтобы рассмотреть народные представления о зиме, следует обратиться к литературным жанрам, отражающим повседневные заботы народа. К таковым можно отнести басню и эпиграмму.

Вообще сначала нужно «определиться с терминами». Что такое зима? Обратимся к взгляду постороннего, к человеку другой культуры, не зашоренному европейской традицией о «прекрасной античности». Японский мыслитель середины XX в. Вацучи Тецуро, живший в Греции, не упоминает «зимы» вовсе, а говорит о том, что в Греции с декабря по март – дождливый сезон, больше похожий на японскую весну³. По его мнению, «...когда культура все еще находится в стадии формирования, климатические характеристики влияют на нее наиболее активно»⁴.

Обратимся к свидетельствам самих древнегреческих авторов. Слова $\chi\epsilon\iota\omega\upsilon\nu$ ($\chi\epsilon\iota\mu\alpha$) и $\chi\iota\omega$ – общеиндоевропейские и достаточно широко используются в греческом языке⁵. Следует подчеркнуть, что $\chi\epsilon\iota\omega\upsilon\nu$ имеет два основных, приближающихся друг к другу значения: зимнего сезона и непогоды, бури, ненастья. «Зимняя» лексика древнегреческого языка вообще достаточно хорошо развита.

Исследователи отмечали, что в героическом эпосе описание природы практически отсутствует или дается через сравнения (Hom. II. XVIII. 735–750)⁶. Наверное, в подобном утверждении содержится некоторое преувеличение, особенно если включить в этот перечень описание зимних невзгод, как, например, тех, которые претерпели греки при осаде Трои. Несомненно, что подобные описания не восходят к микенскому времени, а отражают реальность собственно гоме-

² См. подробнее: *он же*. Снежные парасанги: зима и зимние холода в сочинениях Ксенофонта Афинского // Мнемон. Исследования и публикации по истории античного мира. Вып. 5. СПб., 2006. С. 145–162.

³ Watsuji Tetsuro. Climate and Culture. [Tokyo], 1971. P. 76.

⁴ Ibid. P. 78–79.

⁵ Chantraine P. Dictionnaire étymologique de la langue grecque. Histoire des mots. Nouvelle éd. P., 1999. P. 1250–1251.

⁶ Ярхо В.Н. Пять веков древнегреческой поэзии // Эллинские поэты VIII–III века / Изд. подг. М.Л. Гаспаров, О.П. Цыбенко, В.Н. Ярхо. М., 1999. С. 22. Нумерация поэтических фрагментов – по этому изданию.

ровского времени, т.е. около 800 г. и позже. В «крестьянском календаре» Гесиода описанию зимней стужи (Erga 504–560) и летнего зноя (Erga 582–596) отведено должное, совсем не малое место. Может быть, это объясняется тем, что климат родной деревни Аскры, в которой осел отец Гесиода после переселения из Малой Азии, совсем не радовал поэта:

Близ Геликона осел он в деревне нерадостной Аскре,
Тягостной летом, зимою плохой, никогда не приятной.
(Erga 639–640; пер. В.В. Вересаева)

Начало и конец времен года определялись Гесиодом как по астрономическим признакам, так и по сезонным природным изменениям. Зима наступает

После того, как ужасная мощь Ориона погонит
С неба Плеяд и падут они в мгlisto-туманное море.
(Erga 619–620)

Прощальный крик журавлей отмечает начало зимы, а весенний крик ласточек – ее окончание⁷. Для зимы характерны бури на море, и поэт предупреждает об опасности мореходства зимой (Erga 618 слл., 660 слл.). И в приписываемых Гесиоду сочинениях зима описывается примерно так же: о том, что «...зимние вот уж заходят Плеяды...», сообщает приписываемая Гесиоду «Астрономия» (фр. 2 [289 Merkelbach–West]), а снегообильный Олимп дважды упоминается в «Каталоге женщин» (фр. 83 [229 Merkelbach–West]).

Описание зимы и зимнего времяпровождения – далеко не экзотическая тема для греческих поэтов архаической эпохи. Ксенофан (фр. 12 [13 Gentili–Prato]), уехавший из малоазийского Колофона в Южную Италию, описывает угощение калеными бобами – зимнее времяпровождение у огонька. Живший в Эфесе и Клазоменах Гиппонакт жалуется на отсутствие подходящей зимней одежды:

Весь в дырах мой плащ, дрогну.
(фр. 2 [32 West])

И более развернуто:

Ты не дал мне хламиды шерстяной, теплой
В подарок перед стужей, ни сапог прочных;
И, полуголый, мерзну я зимой лютой
(ἐμοὶ γὰρ οὐκ ἔδωκας οὔτε κῶ χλαῖναν
δασειᾶν ἐν χειμῶνι φάρμακον ἱερός,
οὔτ' ἀσκήρησι τοὺς πόδας δασειήσι
ἔκρυσας, ὥς μοι μὴ χίμετλα ἦγνυται)
(фр. 3 [34 West]; пер. Вяч. Иванова)

Живший в VI–V вв. до н.э. Симонид Кеосский в застольной песни противопоставляет зимний холод и летний зной:

Только недавно фракийский Борей, на нас налетевший,
Снежным покровом густым склоны Олимпа скрывал;
Тем, кто остался без хлены, кусал он душу свирепо.
Нынче же снег уцелел лишь в Пиерийской глуби.
Влейте мне долю его, ибо вовсе вам не подобает
Доброго друга поить неохлажденным вином.
(фр. (9 [25 West]; пер. В.Н. Ярхо)

⁷ Ср. *Стесихор*. Орестея (фр. 23 [34 Page]): «...Ласточки слышен когда щебет весенней порой» (ὅτε ἦρος ὄροι κελαδῆι χελιδόν – схолия к «Миру» Аристофана, стк. 800).

От сочинений Алкмана, кроме знаменитого описания ночного сна природы (фр. 17 [89 Page]), сохранился фрагмент с перечислением времен года:

Три времени в году – зима
И лето, осень – третье.
Четвертое ж – весна, когда
Цветов немало, досыта ж
Поесть не думай...
(ὥρας δ' ἔσηκε τρεῖς, θέρος
καὶ χεῖμα κωπώραν⁸ τρίταν
καὶ τέτρατον τὸ Φηρ...)

(фр. 25 [20 Page]; пер. В.В. Вересаева)

Иносказательное описание зимы содержится и в дошедшем до нас фрагменте Сапфо:

В нежные сердца проникает холод (ψυχρός),
Понижают крылья...

(фр. 83 [42 Lobel–Page]; пер. М.Л. Гаспарова)

Описание времен года – обычная тема в поэзии Алкея: так, в описании лета лесбосский поэт в чем-то подражает Гесиоду (фр. 50). Холод для него – синоним смерти. В гимне Диоскурам в числе их заслуг указывается:

И от ледяной бережете в бедах
Смертных от смерти
(ῥήα δ' ἀνθρώποι[ς] θα[ν]άτω ῥύεσθε
ζακρυόεντος).

(фр. 1 [34 Lobel–Page], сткк. 7–8; пер. М.Л. Гаспарова)

В чреде образов бури поэт оказывается
Между землею и снежным небом...
(...γαῖας καὶ νιφόεντος ὠράνω μέσοι)

(фр. 36 [355 Lobel–Page], пер. М.Л. Гаспарова)

Холодный зимний дождь – одна из основных тем «Песен пирушки» (фр. 46 [338 Lobel–Page]).

Эпиграмма – литературный жанр, который, как и басня, хорошо отражает бытовые реалии, но, в отличие от басни, многие (хотя далеко не все) эпиграммы могут быть достаточно надежно датированы. В греческих эпиграммах содержится немало упоминаний о зиме и холодах, наиболее интересные из которых будут рассмотрены ниже⁹.

Сразу следует сделать важную оговорку: эпитафии утонувшим, наиболее распространенный подвид эпиграмм, за редким исключением, подвергаться рассмотрению не будут: конечно, значительная часть кораблекрушений происходила именно зимой (к примеру, речь может идти о «студеных волнах» (νότου λαίλαπι χειμερῇ – Анакреонт 3, стк. 1), но специально выделять время года в подобных эпитафиях, как правило, невозможно. В «Весенней песне» Антипатра Сидонского (№ 41) весна знаменует окончание бурной погоды и начало сезона мореплавания.

⁸ χειμάχων παρὰ cod., corr. anon. (Poetae melici Graeci / Ed. D.L. Page. Oxf., 1962. P. 38). То есть для переписчиков «осень» была малоизвестным словом. Характерно, что вначале перечисляются «основные» времена года – зима и лето.

⁹ Русские переводы приводятся по изданию: Греческая эпиграмма / Изд. подг. Н.А. Чистякова. СПб., 1993. Нумерация фрагментов основывается на издании Д.Л. Пейджа (Epigrammata graeca / Ed. D.L. Page. Oxf., 1975).

Некоторые сюжеты имеют легендарный характер и повторяются в стихотворениях разных авторов. Поздняя эпиграмма, приписываемая Симониду, повествует о чудесном спасении от льва, забредшего в пещеру погреться:

Зимней студеной порой, спасаясь от сильного снега
(χεῖμερινῇ νιφετοῖο κατηλυσὶν ἦνικ ἄλυσας),
Жрец Кибелы нашел в дальней пещере приют.
Кудри свои распустив, он стяхивал снежную влагу, –
Вдруг в пещеру за ним лютый бросается лев.

(Симонид, 59, сткк. 1–4; пер. М.Л. Гаспарова)

Несколько приукрашенный вариант того же сюжета можно найти в эпиграмме Антипатра Сидонского (№ 64). Леонид Тарентский описал похожее событие, но уже без участия женоподобного жреца Кибелы:

В зимнюю ночь ледяную, спасаясь от сильного града,
(χεῖμερινῇ διὰ νύκτα χαλαζήεντά τε θυμὸν),
Снега стремясь избежать, стужи жестокой ночной,
Лев одинокий, себе отморозивший мощные лапы,
В хлев отведенный для коз, любящих кручи, забрел.

(Леонид Тарентский, 53, сткк. 1–4; пер. Ю. Шульца)

В этом случае лев, не тронув людей и коз, ушел из хлева, едва минула буря. Очевидно, стихотворение Леонида Тарентского восходит к более ранней версии: львы в Греции исчезли к концу архаической эпохи. Конечно, «действие» эпиграммы происходит в горной области, где зима всегда более сурова; тем не менее «первоисточник» этой эпиграммы характеризует холодные зимы архаического либо классического периода.

Тем не менее мороз и снег зимой – исключение; это время года у авторов эллинистических эпиграмм ассоциировалось скорее с дождем, как в эпиграмме Асклепиада «Муки любви» (№ 35):

Долгая ночь, середина зимы, и заходят Плеяды.
Я у порога брожу, вымокший весь под дождем,
Раненый жгучей страстью к обманщице этой...
(пер. Л. Блуменау)

«Снег» имел также значение «прохладительный напиток», «ледяная вода», что было обыграно в другой эпиграмме «Похвала снегу», также приписываемой Симониду:

Тот, кто был принесен Бореем из Фракии ярым,
Больно кусая всех, кто не закутался в плащ,
Тот, кто покрыл пеленою Олимп и заживо умер,
Тягость простерши свою на Пиерийской земле, –
Пусть, растопившись, послужит и мне, потому что негоже
Теплым поить питьем доброго гостя в дому.

(Симонид, 88; пер. М.Л. Гаспарова)

Зимнее (?) наводнение в Эфесе описал в своей эпиграмме «Наводнение в Эфесе» Дурис. Зимний холодный дождь описан в эпиграмме Асклепиада (№ 14). Система отопления в греческих домах была примитивной, меры пожарной безопасности соблюдались плохо, и трагический результат описал Феэтет в «Эпитафии жертвам пожара»:

В доме большом Антагора, когда все пьяными были,
Ночью, холодной зимой (χειμάτος), пламя пожрало людей.
Восемь десятков свободных и с ними рабов оказалось
В страшном пожарище том...

(Феэтет, 5; пер. Ю. Голубец)

Басня – демократичный литературный жанр, отражающий традиционную мораль. «Эзоповы басни» бытовали в древней Греции начиная с периода поздней архаики. «Долитературная басня наполовину принадлежит литературе, наполовину – фольклору; художественная форма у нее прозаическая; автора у нее нет, точнее – автор вымышленный; все басенные сюжеты приписываются легендарному мудрецу Эзопу»¹⁰. Первый сборник «Эзоповых басен» был составлен Деметрием Фалерским около 300 г. до н.э., а древнейшая из дошедших до нас, так называемая «Августанская», редакция восходит к I–II вв. н.э.¹¹ Неудивительно, что в античных баснях упоминаются и климатические характеристики, различные времена года, так что басни являются подходящим источником для описания общего климатического фона античной Греции.

В приписываемых Эзопу баснях основного корпуса мы находим немало упоминаний о холодах, зиме, и временах года вообще, причем зима воспринимается как достаточно некомфортное время года. Зимние погодные условия – суровые, «грубые», но человек им вполне может противостоять. Так, в басне «Борей и Солнце» (№ 46 Гаспаров, Hausrath)¹² Борей (северный ветер) и Солнце спорят: кто сильнее, заставляя путника сбросить одежду. Усиливающийся холодный ветер заставляет человека кутаться все сильнее, но когда пригревает солнце, человек сбрасывает одежду сам. Роль одежды в преодолении зимних холодов показана в басне «Мот и ласточка» (№ 169 Гаспаров = № 257 Hausrath). Расточительный юноша, увидев, что прилетела ласточка, решает продать свой плащ (гиматий), а когда вновь наступают холода, он видит мертвую ласточку и жалеет о своей поспешности. Конечно, в этой басне «развернута» пословица «одна ласточка весны не делает», но текст басни содержит интересные детали. Во-первых, речь идет о «демисезонном» плаще, гиматии, а не о специальной теплой зимней накидке, хлене. То есть зиму можно было пережить, не используя специальную зимнюю одежду, но какой-то плащ, гиматий, был совершенно необходим. Во-вторых, зима здесь противопоставляется не весне, а лету (ἔρος), т.е. применяется двухчленное деление времен года, как у Фукидида. В-третьих, ласточка гибнет потому, что «вернулись зима и сильные холода» (χειμῶνος ἐπιλαβόντος καὶ σφοδροῦ καὶ κρύου ἡγεμονίου περὶ ὧν). Ласточки возвращаются в Грецию в конце февраля или в начале марта, но мартовские похолодания – не редкость как по свидетельствам древних авторов, так и по современным наблюдениям.

Одна басня, которая не вошла в основной сборник эзоповских басен, заслуживает отдельного рассмотрения. Это – басня «Зима и весна» (№ 272 Гаспаров = № 329 Hausrath)¹³. Спор зимы и весны завершается в ней в пользу последней, хотя зима выставляет и свои, достаточно убедительные, доводы: «А я правлю как самовластный царь и вождь: я заставляю людей смотреть не в небо, а под ноги, в землю, заставляю их дрожать и трепетать». Зато весной «...никто не знает покоя, одни идут в луга и рощи, где любо им рвать цветы... другие садятся на корабли и плывут за море, и никто уже не думает ни о ветрах, ни о ливнях» (пер. М.Л. Гаспарова). Характерные признаки зимы здесь – отсутствие мореплавания и дожди (но

¹⁰ Гаспаров М.Л. Античная литературная басня (Федр и Бабрий). М., 1971. С. 3.

¹¹ Там же. С. 21–22.

¹² Басни Эзопа / Пер., вступ. статья и комм. М.Л. Гаспарова. М., 1968; *Corpus fabularum Aesopiarum* / Ed. Aug. Hausrath. Vol. I. Fasc. 1–2. Lipsiae, 1956–1957.

¹³ Датировать этот текст следует никак не раньше эллинистического времени, потому что здесь присутствует достаточно поздний для древнегреческой литературы мотив любования природой.

никак не снег). Интересно, что этот же сюжет использован и в басне «Зима и весна» из второго бабрийевского сборника (№ 55 Гаспаров = № 89 Льюис)¹⁴, но победительницей спора здесь оказывается как раз зима:

...Но ужель зимой хуже?

Я на корабль вступаю посреди моря,
Вздымаю волны, бурные кружу вихри,
Обрушиваю леденящий дождь с неба
И сыплю хлопья снега, и секу градом;
А люди не выходят из домов теплых,
Пируют, у горящих очагов сидя...
Как посмотреть, бывает по сердцу людям
За то, что я веселье в их дома сею.

(сткк. 8–14, 20–21; пер. М.Л. Гаспарова)

Здесь описаны реалии достаточно суровой зимы, но главное – зима оказывается благоприятным временем года, поскольку дает некий отдых от забот.

Только в очень немногих баснях основного эзоповского сборника упоминаются зима (χειμών) и зимняя стужа. Впрочем, басенные атрибуты зимы не свидетельствуют о ее излишней суровости. В басне «Человек и сатир» (№ 35) упоминается о том, что «...пришла зима, стало холодно, и стал человек дышать себе на руки, поднося их к губам...». В басне «Конь, бык, собака и человек» (№ 105) говорится о том, что «...Зевс сотворил человека, но жизнь ему дал недолгую. А человек, по своей сообразительности, построил себе дом и поселился там. Стужа была сильная, лил дождь...». В басне «Путник и гадюка» (№ 176) также нет атрибутов сколько-нибудь суровой зимы.

Прототипом знаменитой басни И.А. Крылова «Стрекоза и муравей» является басня «Муравей и жук» из основного эзоповского сборника (№ 112 Гаспаров): «В летнюю пору гулял муравей по пашне и собирал по зернышку пшеницу и ячмень, чтобы запастись кормом на зиму. Увидал его жук и посочувствовал, что ему приходится так трудиться даже в такое время года, когда все остальные животные отдыхают от тягот и предаются праздности. Промолчал тогда муравей; но когда пришла зима и навоз дождями размыло, остался жук голодным» (пер. М.Л. Гаспарова). Отличие погодных условий зимнего Средиземноморья от русской зимы очевидно и не требует комментариев. Однако климатические условия II в. н.э., когда бытовал текст дошедшего до нас основного эзоповского сборника¹⁵, значительно отличались от климатических условий архаического и классического периодов истории древней Греции. Характерно, что, в отличие от текстов классической эпохи, χειμών в баснях основного эзоповского сборника чаще имеет значение «буря, непогода», нежели «зима» (№ 13 – буря на море, ненастье, № 30 – буря на море, № 52 – непогода, буря в горах, № 68 и 78 – буря на море, № 94 – ненастье, № 171 – буря, № 207 – буря на море).

Таким образом, так называемые «басни Эзопа» отражали климатические условия I–II вв. н.э., т.е. «потепления римского времени», но никак не заметно более холодного климатического фона архаического и классического периодов истории древней Греции. Это и понятно: «басни Эзопа» «...не были неприкосновенным литературным памятником, но лишь сырым материалом, открытым для любой обработки»¹⁶. Повседневный фон, бытовые детали (в том числе и климатические) черпались из современной жизни.

¹⁴ Федр, Бабрий. Басни / Изд. подг. М.Л. Гаспаров. М., 1962.

¹⁵ См. Гаспаров М.Л. Басни Эзопа // Басни Эзопа... С. 253–254.

¹⁶ Он же. Античная литературная басня... С. 22.

К литературному материалу можно добавить следующее: древнегреческие вазописцы стремились не изображать холода и предметов зимней одежды (сисюру, хлену), которые носились при похолоданиях¹⁷. «Идеальный образ» и даже «бытовой образ» грека архаической и классической эпохи был несовместим с зимними холодами и специальной зимней одеждой. Изображения на вазах свидетельствуют скорее не о реальных климатических условиях, а о греческих представлениях о них; идеологии здесь больше, чем климатологии. Греческие представления о «непрестижности» зимней жизни вольно или невольно передались и современным исследователям¹⁸.

Греки не любили зиму, не считали ее достойной изображения, однако греческая цивилизация смогла приспособиться к климатическим изменениям, выработала свой собственный способ их преодоления. Холодный климатический фон и колебания климата не стали помехой для развития древнегреческой цивилизации, напротив, возможно, даже способствовали выработке специфического модуса преодоления природных невзгод.

Древние греки находили место для себя и для развития своей цивилизации «между землею и снежным небом...» (...γαῖας καὶ νιφόεντος ὀράνω μέσοι), по выражению Алкея (фр. 36 [355 Lobel–Page]). Около 442 г. была поставлена «Антигона» Софокла, в которой в знаменитом первом стасиме (сткк. 340 слл.) преодоление суровости климата рассматривается в ряду величайших достижений человека.

Древнегреческая поэзия и басня – важный, хотя и вспомогательный источник для реконструкции климатических условий древнегреческой цивилизации. Постепенное уменьшение «зимних» сюжетов, описания холодов от архаической к эллинистической эпохе косвенно (конечно, при сопоставлении с другими данными) свидетельствует о потеплении, о все уменьшающемся воздействии холодных зим на развитие древнегреческой цивилизации. Напротив, басня – в силу особенностей своего бытования, а также рукописной традиции – отражала климатические реалии I–II вв. н.э., т.е. периода «потепления римского времени».

PERCEPTION OF WINTER IN ANCIENT GREEK POETRY AND FABLES

S. G. Karpyuk

Greek poetry and fables can be considered as an important, though auxiliary, source for the reconstruction of the climatic situation of the ancient Greek civilization. A gradual decrease of «winter» scenes and descriptions of cold weather from the archaic to the Hellenistic time can be seen (if compared, of course, with other data) as an indicator of some rise in temperature and of ever less influence of cold winters over the development of the Greek civilization. Fables, on the contrary, because of the conditions of their circulation and of their manuscript tradition, reflected the climatic situation of the 1st and 2nd centuries AD, i.e. the period of «Roman time's temperature rise».

¹⁷ См. также классическое пособие Джона Бордмана о чернофигурной афинской керамике: *Boardman J. Athenian Black Figure Vases. A Handbook*. L., 1991. Нет изображений специфически зимней одежды, представлены только хитон, хламида, гиматий, иногда пеплос (Ibid. P. 205–207).

¹⁸ *Соловьев С.Л.* Начало античной эпохи в Северном Причерноморье // Борисфен–Березань. Начало античной эпохи в Северном Причерноморье. К 120-летию археологических раскопок на острове Березань. Каталог выставки в Государственном Эрмитаже. СПб., 2005. С. 6–24.